

ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Б. Иванов

Идейно-политическое наследие Русского Зарубежья в современной России

В последние годы российские историки уделяют немало внимания изучению феномена русской эмиграции в самых различных её аспектах, главным образом, культурного, духового и исторического наследия. К сожалению, в гораздо меньшей степени изучена проблема возвращения и использования, а точнее своевременного неиспользования идейно-политического наследия и потенциала Русской эмиграции. Смеем утверждать, что эта не востребованность стала в начале 1990-х гг. настоящей трагедией и для Русского Зарубежья, и для освободившегося от тоталитарного наследия народа России. Цель настоящей статьи — определить причины и последствия этой трагедии для нашей страны.

С самого начала своего существования, т.е. с 1917–1922 гг., русская Белая эмиграция оценивала своё положение лишь как временное явление, жило мечтой о возвращении на Родину и рассматривало себя в качестве потенциальной базы специалистов — политических, военных, технических, научных и т.д. — для возрождения будущей России после падения в ней тоталитарного режима. К этой миссии эмиграция десятилетиями готовилась в рамках своих многочисленных общественно-политических, военно-общественных и профессиональных организациях. И готовилась серьёзно, понимая, что в советской России, в результате бесконечных «чисток» и «классовой борьбы» 1920-х — 1930-х гг., старые кадры, получившие подготовку в Российской Империи, почти полностью уничтожены либо изгнаны в эмиграцию, а новые, собственно советские, имеют чрезвычайно низкую квалификацию во всех отраслях

производства и сферах жизни государства и общества.

Разумеется, наряду с техническим, военным и др. опытом Русское Зарубежье готовилось послужить Отечеству и передачей ему своего богатейшего идейно-политического наследия, в том числе наработок в области государственного и военного строительства. Это было особенно важно, учитывая, что в условиях тоталитаризма никакой общественно-политической мысли и никаких проектов государственного и военного строительства, кроме официально провозглашенного «генеральным курсом партии» в СССР не существовало. А это означало, что в период краха советско-коммунистической системы народы России неизбежно окажутся на политическом, социальном и экономическом распытье, не будучи готовыми к выбору дальнейшего курса государственного строительства, не имея ни концепций такового, ни, тем более, проработанных программ в этом направлении. Что было чрезвычайно опасно для будущей России в условиях традиционно враждебного окружения со стороны геополитических конкурентов. Увы, именно так он и случилось. С той лишь разницей, что крах тоталитаризма в СССР произошёл не в 1920-е — 1940-е и даже не в 1950-е — 1960-е гг., а в начале 1990-х.

Важно отметить, что со стороны эмиграции, даже в первые годы её существования, вовсе не подразумевалось навязывание освободившемуся народу неких политических доктрин. То, как основная часть Русского Зарубежья понимала свою задачу, хорошо иллюстрируют слова, произнесённые в 1925 г. Великим Князем Николаем Никола-

евичем Младшим в интервью бельгийской газете «Ла Насьон Бельж»: *«Главные русские вопросы, я вас прошу особенно обратить внимание на мои слова, могут обсуждаться и разрешаться только на русской земле и в соответствии с желаниями русского народа. Сам русский народ должен разрешить свою судьбу и выбрать режим. Будущая организация России должна быть основана на законности, порядке и личной свободе. Я не претендент и не эмигрант в том смысле, который придали этим словам во время революции. Я гражданин и солдат, желающий только вернуться домой, чтобы помочь Родине и согражданам. Когда по воле Божией восторжествует наше дело, сам русский народ решит, какая форма правления ему нужна»*.¹

Правда, Русское Зарубежье никогда не было единым и состояло из разных групп — от социалистических и либеральных до крайне правых, монархических. А помимо этого, делилось на «три волны» эмиграции. Поэтому следует уточнить, что собственно под Русским Зарубежьем мы подразумеваем здесь ту общественно-активную часть эмиграции, которая сознательно сохраняла в изгнании свою «русскость», не отделяла себя от Исторической России и была нацелена служить делу её возрождения. В качестве конкретных тому примеров достаточно упомянуть об огромной работе, проводимой в рамках Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) через различные военно-учебные заведения — от унтер-офицерских и военно-училищных курсов до Высших Военно-Научных Курсов профессора генерала Головина, на которых в 1920-е — 1930-е гг. подготавливались будущие (как предполагалось) кадры Русской Армии и разрабатывались концепции её строительства. Над этим, в частности, трудились выдающиеся русские военные мыслители — А.К. Баиов, А.В. Геруа, Н.Н. Головин, Е.Э. Месснер, Е.А. Шелль и др. Несмотря на огромные потери, понесённые эмиграцией в результате Второй мировой войны, работа эта по мере сил была продолжена даже в послевоенный период.

Над вопросом будущего государственного строительства работали и крупнейшие русские мыслители XX века, оказавшиеся в эмиграции, а также общественно-политические организации. Монархисты разрабатывали пути возрождения в России монархии. Народно-Трудовой Союз Нового По-

коления (НТС) выдвигал теорию «солидаризма». Гигантский вклад в концепцию будущего государственного строительства внёс русский философ, профессор Иван Александрович Ильин, задолго до падения КПСС, ещё в 1950-е гг., во многих деталях предсказавший крушение коммунизма в СССР и заранее указавший на вызовы и опасности, которые будут подстерегать страну после краха тоталитаризма, как и на пути их преодоления.

Всерьёз задумывались над этими вопросами и русские православные мыслители, представлявшие самую «молодую» часть Русского Зарубежья — те, кто был выдворен из страны в 1970-е — 1980-е гг. Так, размышляя над перспективами политического развития России, А.И. Солженицын написал в июле 1990 г. свою знаменитую работу «Как нам обустроить Россию». Но сам Александр Исаевич считал крупнейшим специалистом по этому вопросу и единственным человеком, способным создать Конституцию новой России и программу возрождения страны — гениального русского мыслителя, основателя Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН) Игоря Вячеславовича Огурцова, насильно выдворенного из СССР в 1987-м и с того времени проживавшего в Германии.² Программа переустройства и возрождения России, созданная И.В. Огурцовым в 1960-е гг., в условиях глубокого подполья, до сего дня считается многими специалистами «прорывной» для своего времени и не утратившей актуальности в наши дни. К сожалению, в Советском Союзе она была совершенно неизвестна общественности, т.к. после арестов членов ВСХСОН вся информация по их делу, как и сам факт существования ВСХСОН, были строжайше засекречены КГБ.

Таким образом, несмотря на то, что к началу 1990-х гг. Русское Зарубежье уже давно переживало серьёзный кризис в связи с естественным старением и физическим уходом подавляющего большинства самой активной своей части — эмигрантов «первой волны» — оно ещё сохраняло свои основные организации и располагало значительным идейно-политическим потенциалом, который готово было поставить на службу России. И Россия на решающем для неё рубеже конца 1980-х — начала 1990-х, несомненно, остро нуждалась в опыте и знаниях Русской эмиграции. А то, что Белая эмиграция была гораздо опытнее и даль-

¹ Новое Время. — 1925. — 17 сент. Публ. по: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. Пособие / Под ред. А.Ф. Киселева. — М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1999. — С. 76.

² Казанцев Н. Монархическая карта Солженицына. Нобелевский лауреат финансировал «Нашу Страну» // Наша Страна. — 2008. — 23 августа. — С.3.

новиднее в политических вопросах как многих коммунистических руководителей, так и лидеров едва народившегося в СССР общественно-политического движения — очевидно. Так, например, в 1990 году лидер Белой эмиграции поручик В.В. Гранитов пророчески писал: *«Разорённая страна может стать легкой добычей для сильных мира сего. На основании нашего горького опыта, мы знаем, что у России в свободном мире искренних друзей нет и, что «помощь» Запада может привести к полному расчленению России. Об этой опасности мы должны неустанно предупреждать русских людей в Советском Союзе, т.к. многие среди них верят в поддержку демократического Запада»*.³

Другой известный общественный деятель Русского Зарубежья, Михаил Викторович Назаров, один из представителей последней волны эмиграции, в то же самое время справедливо отмечал: *«При возможностях, открывшихся в годы «перестройки», десяти тысячная дивизия компетентных политических работников, могла бы действовать очень эффективно. Но сейчас у русской эмиграции есть разве что несколько взводов»*.⁴

Это было верное замечание. Однако в условиях, в каких Советский Союз оказался к моменту краха КПСС, даже и несколько сплочённых «взводов» компетентных эмигрантских политических специалистов, могли сыграть весьма существенную положительную роль в общественной и политической жизни страны.

Проблема состояла в том, что Русское Зарубежье на протяжении десятилетий было наглухо отгорожено, сознательно изолировано от России т.н. «железным занавесом». Если до рядовых граждан СССР и доходили какие-то слухи о существовании, деятельности и идеях эмиграции, то лишь случайные и отрывочные. А т.н. «радиоголоса» (западные радиостанции), очень избирательно освещали этот вопрос: они доносили до слушателей в Советском Союзе лишь информацию, которая была выгодна, освещали деятельность и идеи лишь тех организаций и деятелей эмиграции, чьи установки отвечали либерально-демократическим взглядам Запада, проповедовали «ценности демократии», «национал-сепаратизм», а то и неприкрытую русофобию. Напротив, деятельность и идей-

ное наследие тех русских зарубежных организаций и лидеров, которые отстаивали традиционные для России ценности, «радиоголоса» целенаправленно замалчивали.

Поэтому, когда в СССР началась «перестройка», вызвавшая массовый всплеск политической активности населения, а вскоре и обвал тоталитарной системы, худшие опасения Русской эмиграции стали явью: старая система рухнула, массовое народное антикоммунистическое движение просто физически не успевало сформировать и выдвинуть на замену ничего нового, а находящаяся в изоляции эмиграция, не имела реальной связи с народным движением в России и не могла оказать никакого влияния на происходившие события, чтобы воспрепятствовать разделу и разграблению страны, организованному совместными усилиями Запада и трансформировавшейся в «демократы» партноменклатуры.

А в это время «антикоммунистический» Запад действовал рука об руку с советско-коммунистической номенклатурой. Ибо для первого, как и для второй, возрождение старой, традиционной России — Российской Империи, чьё наследие как раз и сохраняла Белая эмиграция, представлялось наименее худшим вариантом развития событий. Не случайно председатель КГБ СССР, а впоследствии генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов считал главной опасностью для коммунистической системы отнюдь не диссидентов (в большинстве своём ориентирующихся на западно-либеральные ценности), а т.н. «русистов» — сторонников православно-патриотического курса. *«Главная забота для нас — русский национализм: диссиденты потом — их мы возьмём за одну ночь»*, — утверждал Андропов.⁵ Именно на подавление «русистов» — зачатков русского патриотического движения, идейно наиболее близкого к Русской эмиграции, и были направлены, согласно андроповской концепции «подавления основной нации»⁶, основные усилия КГБ внутри СССР в 1960-е — 1980-е гг.⁷

Нельзя сказать, что в позднем Советском Союзе и в первые годы после падения тоталитаризма власти страны вовсе не обратили внимания на существование и потенциал Русского Зарубежья, занимались лишь его изоляцией и не попытались установить контактов с эмигрантами. Попытались. Правда, в весьма ограниченной форме, уже

³ Вестник Общества Ветеранов Великой Войны. — 1990. — № 266. — С. 3-5.

⁴ Назаров М. Миссия русской эмиграции. М.: 1994. — С. 400.

⁵ Без выбора. М.: Молодая гвардия, 2003, С. 498.

⁶ Карцев Дмитрий. План Андропова-Путина. Как чекисты получили контроль над страной // Русский репортёр. 2012. № 43 (272). С. 28.

⁷ Иванов И. Русское подполье. Пути и судьбы социал-христианского движения. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 188.

в самом конце существования КПСС. И власти не центральные, а республиканские – РСФСР.

Первой ласточкой стало подписание 25 декабря 1990 г. Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным новогоднего «Обращения к соотечественникам за рубежом».⁸ Это был сенсационный документ, ибо до того времени русских эмигрантов в СССР традиционно рассматривали лишь в качестве врагов и «изменников Родины», с которыми нужно только бороться (и этим целенаправленно занимались соответствующие структуры Пятого управления КГБ совместно с Первым главным управлением КГБ СССР – внешнеполитической разведкой). Непосредственно установить контакты с Зарубежьем было решено в рамках I-го Конгресса соотечественников, организованного Верховным Советом РСФСР «для демонстрации новых возможностей новой России».⁹

Один из главных организаторов Конгресса народный депутат, член Верховного Совета РСФСР Михаил Никитич Толстой впоследствии весьма откровенно охарактеризовал ельцинское обращение к эмиграции: «Что касается призывов к зарубежным соотечественникам, то предложения в конечном счёте сводились к экономическому соучастию в российских проектах, отражая призрачные надежды, что эмигранты богаче и щедрее граждан России».¹⁰ По сути, и Обращение Ельцина, и Конгресс были лишь своеобразной пропагандистской кампанией, рассчитанной на то, чтобы продемонстрировать поддержку эмиграцией т.н. «Новой России» и её властей, а также, если удастся, заполучить и финансовую помощь от богатых бывших соотечественников. Это был всё тот же большевистский подход, ибо новые российские власти как бы повторяли всё то же: «Нам нужны деньги и ценности, вывезенные вами и вашими родителями в 1917-1922 гг.!» Увы, политическая элита «Новой России» обращалась к Зарубежью отнюдь не за интеллектуальным потенциалом, богатейшим опытом и программными наработками: демократические власти России совершенно не интересовались идейно-политическим наследием Русского Зарубежья. И уж тем более не собирались применять его к жизни.

В Зарубежье всё это почувствовали и поняли. Многие восприняли готовящейся в Москве и Ленинграде «Конгресс соотечественников», как

очередную игру КГБ и ехать категорически отказались. Они были близки к истине, т.к. по признанию М.Н. Толстого КГБ, конечно, не оставил Конгресс без кураторства и своих кураторов. Да и участие в форуме эмигрантов, многим из которых въезд в Советский Союз вообще коммунистические власти и спецслужбы запрещали, был невозможен без специального на то разрешения госбезопасности.¹¹ Кстати, опрос, проведённый автором, показал, что далеко не все виднейшие представители Русского Зарубежья получили приглашение приехать в Россию для участия в Конгрессе. То есть наиболее «опасных» идеологических противников коммунистической системы, как например уже упомянутого И.В. Огурцова, по всей видимости, решено было не приглашать...

М.Н. Толстой вспоминает, что в его беседах с приглашаемыми ехать в Москву эмигрантами проскальзывал намёк: «Как прищемило, так вы к нам за деньгами, поздновато спохватились, а где же вы раньше были?»¹² А наиболее принципиальные деятели эмиграции выражали свою позицию ещё откровеннее. Так, председатель старейшей белоэмигрантской организации, Русского Обще-Воинского Союза, поручик Владимир Владимирович Гранитов выступил категорически против участия Белых эмигрантов в Конгрессе, а лично от себя добавил, что как русский Белый офицер он не считает возможным приехать в Россию до тех пор, «пока над Россией будет развеиваться красная тряпка, а Санкт-Петербург – носить позорную кличку «Ленинград». То есть до тех пор, пока в СССР не произойдут реальные перемены и не откроются реальные возможности для работы эмиграции, а не их видимость. С аналогичной позицией выступил президент Конгресса Русских американцев (КРА) П. Будзилович и другие.

В результате I-й Конгресс соотечественников всё же состоялся, собрав около 700 участников из 22 стран, но никто из общественно-политических деятелей эмиграции первой величины на нём не присутствовал. По стечению обстоятельств (некоторые считают такое «стечение» заранее обдуманной ловушкой КГБ) время проведения Конгресса (19-28 августа 1991 г.) совпало с т.н. «путчем ГКЧП». Поэтому многие участники поспешили в первый же день покинуть СССР, другие остались на Конгрессе до конца и удосто-

⁸ Ельцин Центр. Ф.6. Оп.1. Д. 59. Л. 11–15.

⁹ Толстой М. Первый Конгресс соотечественников // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 76.

¹¹ Там же. С. 80.

¹² Там же. С. 76.

ились услышать «программную» речь победителя путчистов Б.Н. Ельцина на церемонии закрытия Конгресса. Кстати, в этой своей речи российский президент обнадёжил эмигрантов заявлением, что крушение КПСС не будет означать распада страны. А через 4 месяца, при участии того же Ельцина, СССР был разделён и единая страна перестала существовать...

Впоследствии, в 1992 и 1993 гг., в России были проведены ещё два аналогичных Конгресса, увы, с ещё меньшим размахом и успехом. Но главное, что по своим задачам все эти Конгрессы не были нацелены на передачу и использование идейно-политического наследия Русского Зарубежья, на вовлечение эмигрантских организаций в реальный процесс преобразования России, а имели лишь декоративный, пропагандистский характер. Вскоре «Конгрессы соотечественников» и вовсе перестали собираться. Они были возобновлены только в 2001 году, но уже в совершенно новом качестве и составе, без сохранения нумерации и преемственности от конгрессов начала 1990-х.

Несмотря на громкие заявления Б.Н. Ельцина в его новогоднем Обращении и выступлении на церемонии закрытия 1-го Конгресса соотечественников, никаких реальных шагов для привлечения эмиграции к участию в политических процессах на Родине, как и к реальному возвращению эмигрантов и эмигрантских организаций в Россию, сделано не было! Для того, чтобы проиллюстрировать это на конкретных примерах, обратимся к истории трёх старейших эмигрантских организаций, стремившихся работать на Родине и всё-таки сумевших перенести свою работу в Россию – РОВСа, РИС-О и НТС. Кстати, никакие другие эмигрантские организации, за исключением, пожалуй, детско-юношеских – Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР) и «Витязей» – в 1990-е гг. этого сделать так и не смогли.

1. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) – старейшая военно-общественная организация Русского Зарубежья. Основана генерал-лейтенантом бароном П.Н. Врангелем 1 сентября 1924 года из частей Русской Армии. До Второй мировой войны являлся самой массовой и наиболее влиятельной организацией эмиграции. Будучи официальным наследником Русской Императорской Армии и Белого движения, выступала с позиции возрождения Великой, Единой и Неделимой России, ратовала за возрождение сильной Российской

Армии, основанной на лучших традициях Русского воинства. В политическом плане состояла в большинстве своём из монархистов, но придерживалась позиции «непредрешения», т.е. считала, что после падения коммунистического режима Русский народ должен получить возможность сам высказать свою державную волю и избрать наиболее приемлемую для себя форму государственного правления. К началу 1990-х гг., из-за смерти большинства своих членов, РОВС потерял значение ведущей организации Белого Зарубежья, однако и в это время продолжал оставаться своеобразным знаменем и главным хранителем патриотических взглядов и идеологии Белого Дела.

В событиях в СССР 1991-го года РОВС участия не принимал. Впервые руководители и представители этого Союза посетили Россию только в сентябре 1992 года.¹³ 29 сентября 1993 г. Председатель РОВС поручик В.В. Гранитов направил в Министерство иностранных дел РФ обращение, в котором уведомил российские власти о желании своей организации работать в России и просил разрешить с этой целью открыть на её территории отделы РОВСа. В этом обращении В.В. Гранитов писал:

«Русский Обще-Воинский Союз, являющийся в настоящее время лишь остатком некогда мощной основной воинской организации Белого Зарубежья, считает своим патриотическим долгом способствовать распространению в России (особенно среди молодого поколения) правильных и исчерпывающих сведений о Белом Движении, о прежней Русской Армии и военной и общей истории Государства Российского. Поскольку правительство Российской Федерации признает гражданские права свободы мнения, слова и печати, и поскольку оно показало свою заинтересованность в сотрудничестве с Русским Зарубежьем созывом «Конгрессов Соотечественников», мы полагаем, что такая деятельность нашего Союза не идет вразрез со взглядами правительства.

*Для успешного ведения такой работы, нам нужно открыть отделы нашего Союза в главных городах России. Поэтому, прилагая проект Временного Положения для организации таких Отделов (постоянный устав будет выработан позже, с учетом практического опыта и местных условий) прошу Вашего разрешения на открытие Отделов Русского Обще-Воинского Союза на территории Российской Федерации».*¹⁴

¹³ Голдин В. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, «СОЛТИ», 2006. С. 518–519.

¹⁴ Действующий архив РОВСа. Коллекция документов и материалов 1993 г.

Однако никакого официального ответа от властей Российской Федерации — ни положительного, ни отрицательного — РОВС на своё обращение так никогда и не получил. Не дождавшись реакции со стороны РФ и посчитав свой долг уведомления выполненным, руководители РОВСа приняли решение открывать работу Отдела в России явочным порядком. В феврале 1996-го года РОВС создал в РФ 1-й Отдел в России и официально перенёс свою работу на Родину.¹⁵ Однако РОВС со своей крайне непопулярной при «демократах» патриотической и православной позицией, оказался в Российской Федерации весьма неудобной для власти организацией и практически сразу стал рассматриваться ею в качестве внесистемной оппозиции, которую власть всячески старалась не пускать в поле официальной общественно-политической жизни.

2. Российский Имперский Союз-Орден (РИС-О) — вторая по времени основания организация Русского Зарубежья, остававшаяся активной к началу 1990-х гг. Основан группой русских офицеров-эмигрантов 8 октября 1929 года в г. Париже (Франция) с целью восстановления в России императорской власти. Генеральное представительство РИС-О в России было открыто 15 октября 1991 г., но всерьёз организация смогла начать разворачивать работу на Родине позже. Члены РИС-О пытались официально зарегистрировать свою организацию в РФ, однако сделать этого не удалось под предлогом того, что её Устав основан «не на демократических принципах», а историческое название организации не соответствует новому законодательству... В результате организация так никогда и не была зарегистрирована на Родине. Руководитель РИС-О, Георгий Александрович Фёдоров (1941-2016), впервые приехал в Россию только в 1995-м, и только в 2008-м смог перебраться в РФ на постоянное жительство.

3. Народно-Трудовой Союз Российских Солидаристов (НТС) — самая известная в послевоенный период политическая организация эмиграции, основана в Югославии 1 июня 1930 г. Также позиционировала себя в качестве антикоммунистической, но в отличие от РОВСа и РИС-О, стояла на либерально-демократических позициях. В событиях 1991 г. реально участия не принимала. В 1996 году НТС зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ как общественно-политическое движение. В первые годы своей официальной деятельности на Родине кандидаты от НТС пытались

выдвигаться в органы законодательной власти, но практически всегда — безуспешно. Поэтому НТС был вынужден перейти от активной политической деятельности к деятельности издательско-просветительской. Кстати, НТС — единственная «вернувшаяся» эмигрантская организация, программа которой была частично воплощена в жизнь после падения КПСС — увы, только в худшей своей части, как, например, реализации «права наций на самоопределение». В то же время все призывы НТС к запрету коммунистической партии, к люстрации, как и какие-либо патриотические установки — «услышаны не были».

Таким образом, ни одна из организаций Русского Зарубежья, каждая из которых имела за спиной солидное идейно-политическое наследие, не приняла участие в политических процессах конца 1980-х — начала 1990-х гг. Все они фактически оказались в роли стороннего наблюдателя.

Такая же судьба постигала и тех идейных лидеров Русской эмиграции, кто стремился вернуться на Родину, чтобы послужить ей своими знаниями. Показательна в этом отношении история видного общественного деятеля и мыслителя И.В. Огурцова. Сразу после падения КПСС Игорь Вячеславович попытался вернуться из эмиграции. Казалось бы, никаких препятствий для этого уже быть не может, тем более, что сам президент Ельцин, обращаясь к эмигрантам, торжественно заявлял: «Все, кто захочет вернуться, смогут это сделать». На практике всё оказывается иначе.

В новой России эмигрантов никто не ждал, никаких реальных механизмов возвращения не существовало. Более того, для желающих вернуться создавались непреодолимые бюрократические препятствия. Так делу возвращения на Родину семьи Огурцовых не помогло даже личное вмешательство члена президиума Верховного Совета С.А. Ковалёва, когда-то в заключении сидевшего с И.В. Огурцовым в одной камере.¹⁶ Семье Огурцовых удалось вернуться в Россию только после невероятной борьбы, в декабре 1992-го, т.е. уже тогда, когда единое государство уже было расчленено и во всю шёл процесс его дальнейшего растаскивания и разграбления. Вернувшись, семья выдающегося русского мыслителя, героя христианского сопротивления в буквальном смысле оказывается на улице: нарушая собственное законодательство, власти Российской Федерации отказываются отдавать Огурцовым незаконно отобранные у них квартиру и гражданство. Фак-

¹⁵ Голдин В. Указ. соч. С. 522.

¹⁶ Иванов И. Указ. соч. С. 251.

тически делая всё возможное, чтобы выпихнуть «возвращенцев» обратно в эмиграцию. Лишь после многих лет скитаний по углам, бесконечных судебных процессов и скандалов в прессе, Огурцовым удалось по суду вернуть себе гражданство России и получить жильё.¹⁷

Хорошо известна и история возвращения А.И. Солженицына. В июле 1993 г., обдумывая своё возвращение в Россию, Александр Исаевич напишет: *«Там я буду сильно обложен подслушиванием от КГБ, так что не много разговоришься. Кошмарно, что КГБ нисколько не тронули, они – в прежней силе, и не известно, как её используют. Ну не пережить же мне их здесь, надо ехать»*.¹⁸ Увы, во многом великий русский писатель и мыслитель оказался прав: его возвращение было встречено далеко не только восторженными приветствиями старых друзей и почитателей, но и демонстративным гробовым молчанием центральной прессы...

Почему же потенциал и идеино-политическое наследия Русского Зарубежья так и остались невостребованными в «демократической» России, несмотря на то, что именно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. интерес в российском обществе к Русскому Зарубежью был огромен?

Ответ на него сегодня лежит на поверхности: новые демократические власти, внешне заигрывая с эмиграцией, без восторга относились к желанию русских эмигрантских организаций и лидеров перенести свою работу на историческую Родину, а тем более быть включёнными в политические процессы. Воспитанное на православно-патриотических традициях, Русское Зарубежье в массе своей выступало под старыми лозунгами Белого движения: «За Великую, Единую, Неделимую!» Она не мыслила себе свободной России иначе как наследницей более чем 1000-летней Руси, единым и суверенным государством с сильной Армией и Православием в качестве духовной основы (вспомним, например, главную мысль Программы И.В. Огурцова о необходимости христианизации политики, экономики, социальной и культурной сфер жизни государства и общества). А осуществлявшие «перестройку» советские спецслужбы, мимикрировавшая в «демократов» вчерашняя партийно-советская номенклатура и её тогдашние западные «партнёры» по развалу СССР – придерживались прямо противоположного курса, выступая

за раздел страны, «суверенитет, сколько сможете взять», раздел, сокращение и разоружение Вооружённых Сил, юридическую преемственность от Советского Союза, а не от Исторической России и т.д., и т.п. В этой связи Русское Зарубежье со всем его потенциалом и идеино-политическим наследием рассматривалось тогда не как союзник по возрождению страны, а как сила, способная лишь помешать осуществлению всех этих разрушительных планов...

Не случайно И.В. Огурцов так прокомментировал своё отношение к происходившим в 1991-1992 гг. событиям: *«В момент краха тоталитарной системы была возможность, руководствуясь разработанными на основе Белой идеи программами, вывести страну на её исторические пути, однако перехват инициативы коммунистической номенклатурой и криминальными группировками завершился расчленением страны и нации... Такова цена, которую номенклатура готова была уплатить, чтобы удержаться у власти»*.¹⁹

Только в начале XXI века, и то далеко не сразу, идеино-политическое наследие Русского Зарубежья стало находить некоторое отражение в официальной риторике властей Российской Федерации. И чем дальше – тем больше. Уже в 2000-е гг. понятие «патриотизм» постепенно переставало быть только лишь ругательным. Правда, поначалу без каких-либо существенных изменений в прежнем политическом курсе. Ещё позже президент страны, а вслед за ним и многие федеральные чиновники, начнут цитировать высказывания А.С. Солженицына, И.А. Ильина и выдающихся патриотов дореволюционной России... А весной-летом 2014 г., впервые за многие десятилетия, вектор официальной российской власти и широчайших слоёв народа в отстаивании независимости, единства, веры, языка и культуры страны – на какое-то время полностью совпадёт. Это явление, удивившее мир в 2014-м, получит название «Русской Весны». Увы, слишком многое уже было упущено, слишком многое нужно было восстанавливать заново. Фактически безвозвратно оказался потерян и былой потенциал старого Русского Зарубежья, к этому времени уже переставшего существовать...

Учитывая сказанное, можно прийти к следующим выводам:

¹⁷ См. напр.: «Освободитель народа» в тисках чиновников // Вести. 1996. № 5. С. 1; Собчаки против Огурцовых // ИНФОРМ: 600 секунд. 1995. № 7.

¹⁸ Из письма А.И. Солженицына редактору газеты «Наша Страна» Н.Л. Казанцеву от 18.05.93 // Наша страна. 2008. 20 сентября. С. 5.

¹⁹ Иванов И. Указ. соч. С. 233.

1. До последнего момента существования тоталитарной коммунистической системы в Советском Союзе, верхушка КПСС и КГБ принимала все меры для изоляции Русского Зарубежья и его лидеров от влияния на общественно-политические процессы, происходившие на Родине. В результате эти процессы – «перестройка», «гласность», демократизация, ликвидация и «суд» над КПСС, а также последующий раздел страны советской и коммунистической номенклатурой – произошли без какого-либо участия и влияния Русского Зарубежья.

2. «Новые демократические» власти, так же как и их предшественники из КПСС, оказались не заинтересованы в реальном участии представителей Русского Зарубежья в политическом процессе и государственном строительстве новой некоммунистической России. Официальные контакты с эмиграцией сводились исключительно к вопросам получения от неё материальных ресурсов или культурно-исторических ценностей. При продолжении политики изоляции активных общественно-политических организаций и их лидеров.

3. Главной причиной «невыгодности» верховной властью СССР и Российской Федерации идейно-политического потенциала и наследия Русского Зарубежья явилось враждебное отношение коммунистической, а затем и демократической элиты к базовым патриотическим принципам, которые более 70 лет хранила и отстаивала Русская Белая эмиграция – главенствующей роли Православия, единству и неделимости страны, идее сильной Российской Армии, юридической преемственности от Российской Империи и т.д.

4. В результате сознательной изоляции эмигрантских организаций и их лидеров от общественно-политических процессов на Родине, не произошло своевременной передачи богатых традиций, идеологии и опыта эмиграции широ-

кому народному общественно-политическому движению, возникшему в СССР в конце 1980-х гг., но не опиравшемуся на историческую традицию. Своевременного слияния традиций и опыта эмиграции с огромной энергией народных масс не произошло. И в т.ч. по этой причине стихийное народное антикоммунистическое движение потерпело поражение в борьбе с партноменклатурой в начале 1990-х гг.

5. В связи с отсутствием механизмов возвращения русских эмигрантов и их потомков на Родину, а также отсутствием политической воли российских властей для массового привлечения этого ценнейшего человеческого и интеллектуального ресурса в Россию, из эмиграции вернулось лишь крайне незначительное число её представителей, исчисляемое лишь десятками человек. Лидеры и активные организации Русского Зарубежья смогли вернуться на Родину и развернуть там свою работу слишком поздно, когда народное общественно-политическое движение уже пережило периоды взлёта и спада, а острая практическая потребность в передаче и использовании идейно-политического наследия Русского Зарубежья исчезла.

6. Обращение российских властей к базовым патриотическим ценностям, продекларированное в 2000-е – 2010-е гг., и особенно ярко в 2014-м году – несомненно, является положительным фактом, но произошло оно слишком поздно, когда многое уже разрушено и потеряно. Перестало к этому времени существовать и Русское Зарубежье в своём прежнем качестве...

Сможет ли сегодня Россия правильно воспользоваться идейно-политическим наследием Русского Зарубежья без участия органического его носителя? Этот спорный вопрос остаётся пока открытым и является темой для отдельного исследования.

